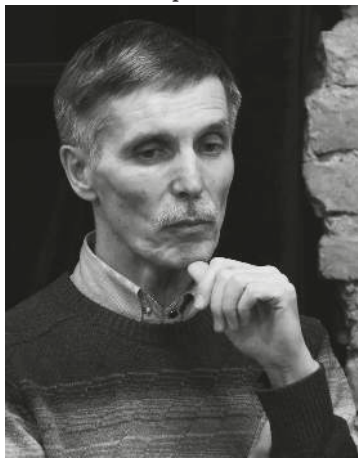

Про музей микроминиатюры «Русский Левша» в Петербурге уже давно говорят: мал золотник, да дорог. Создан он в 2006-м под эгидой Международной Гильдии мастеров человеком, которого без всяких оговорок можно причислить к подвижникам – Татьяной Ковша.

Вне всякого сомнения, «изюминка» постоянной экспозиции – коллекция микроминиатюр, выполненных старшим научным сотрудником Института теоретической и прикладной механики имени С.А Христиановича Сибирского отделения РАН доктором

Сергей Казначеев

ом физико-математических наук Владимиром Анискиным. Это и подкованная блоха (подковы в шесть миллионов раз меньше настоящих лошадиных), и караван верблюдов в игольном ушке (рост животных 0,07–0,08 мм), это и коллекция российских государственных наград на маковых зёрнышках, и роза внутри волоса... По сложившейся традиции в музее постоянно проводятся сменные выставки и других современных «левшей», творения которых способны удивить мир. В апреле 2017-го была представлена одна-единственная работа – модель

храма Рождества Христова (на Шипке), выполненная в серебре и золоте Мастером (именно так: с большой буквы) из Чебоксар Сергеем Казначеевым. Созданию этого шедевра он отдал... извините!.. посвятил!.. конечно же, посвятил 26 лет жизни. Впрочем, обо всём по порядку. Но вначале...

Немного истории

Русско-турецкая война 1877–1878 годов, как мы знаем со школьной скамьи, велась между Российской империей и союзными ей балканскими государствами с одной стороны и Османской империей – с другой. Была она жестокой и кровопролитной. Пожалуй, наиболее трагический эпизод войны – оборона перевала Шипка. Три батальона Орловского пехотного полка и четыре болгарские дружины отбили десять приступов вшестеро превышающего по численности неприятеля. С наступлением зимы положение защитников Шипки сделалось ещё более тяжёлым: морозы и метели оказались столь коварны, что почти 10 тысяч русских солдат замёрзли. А, между тем, в официальных донесениях пехотного генерала Фёдора Радецкого, который командовал Южным отрядом, охранявшим перевалы через Балканы, фигурировала фраза, впоследствии ставшая нарицательной: «На Шипке всё спокойно»... Война завершилась подписанием Сан-

Стефанского мирного договора, согласно которому балканские страны получили независимость.

Идея возведения церкви в память стойкости и героизма русских солдат и болгарского ополчения принадлежала Ольге Николаевне Скобелевой, матери легендарного «Белого генерала» – Михаила Скобелева. Император Александр I пожаловал будущему храму икону, ризницу, он же сделал и первое пожертвование – тысячу рублей. Выделяли средства ведомства, благотворители, вносили деньги, кто сколько может, рядовые граждане России и Болгарии. В 1881-м был объявлен архитектурный конкурс. Первой премии удостоился проект российского архитектора чешского происхождения Антония Томишко. (Томишко принимал участие в сооружении Великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости, построил Нижнюю дачу в петергофском парке Александрия, но особую известность ему принёс проект комплекса зданий тюрьмы «Кресты».)

Возведение Храма-памятника Рождества Христова началось в 1885-м, завершилось в 1902-м году. Внутри храма и на стенах открытых галерей установлены 34 мемориальные мраморные плиты с названиями войсковых частей, участвовавших в боях. На плитах высечены имена 18491-го военнослужащего русской армии, болгарских ополченцев. В крипте установлены 17 мраморных саркофагов с останками погибших при защите Шипки.

Так получилось, что, познакомившись с Сергеем и его супругой Татьяной (Казначеевы просили называть их по именам, без отчества) на вернисаже, общался я с ними в день демонтажа выставки. Сергей, по моей журналисткой «табели о рангах», был, скорее, рассказчик, чем ответчик. Но желанной мною «неспешной беседы», к сожалению, у нас не получилось. Казначеев отвечал на мои вопросы, то крепя модель к днищу футляра, то свинчивая с храма и упаковывая золотые купола... Мне, помнится, подумалось: если бы Сергей сам взялся в письменном виде рассказать о создании своего ювелирно-архитектурного шедевра, у него получилось бы это значительно лучше, чем у меня...

Собиранием монет Серёжа Казначеев занялся в семилетнем возрасте, и началось это увлечение с пренеприятнейшей истории, случившейся вскоре после того, как у родителей его, Василия Дмитриевича (опять же, согласно пожеланию Сергея, сохраняю его орфографию) и Ольги Алексеевны, выходцев из чувашской де-

ревни, людей необразованных (у матери четыре класса образования, у отца – два), людей доверчивых, появился новый знакомый, который пообещал научить их делать зеркала. Для этого, сказал он, нужны серебряные монеты. Монеты растворяются в специальном растворе, и жидким серебром покрывается стекло. Как это делается, «зеркальных дел мастер» обещал показать.

Казначеевы тогда (до переезда в Чебоксары) жили на Урале, в Оренбургской области. Ольга Алексеевна отправилась за монетами в родную деревню. Вернулась она с маленьким чемоданчиком (с такими – люди постарше помнят – в 50-60-е годы в баню ходили) полным старинных монет, преимущественно срезанных с монисто² – со своего собственного, выпрошенных у матери и других родственников.

Раскрыла мать чемоданчик, засверкали сказочные драгоценности.

– Какие там рубли были – красивые, большие! – восторженно вспоминает Сергей. – Во всяком случае, когда я брал их в свои детские ручки, мне они казались большими. На монетах отчеканенные профили; тогда я ещё не знал, что это – Пётр I, а это – Екатерина II. Особенно понравился серебряный рубль 1731 года с профильным изображением императрицы Анны Иоанновны.

Глаза у мальчика загорелись. Мать пригрозила пальцем:

– Ничего отсюда не брать!

Но, признаётся Казначеев, он «не стерпел»: две или три монетки, которые поменьше, стащил и занюкал. Больше побоялся. Теперь жалеет:

– Надо было бы хотя бы горсть взять!

Всё же остальное серебро умыкнул «зеркальных дел мастер».

Школьником, учащимся музыкального училища Казначеев собирал монеты уже осознано. У него и кличка-то была: Казна. Полное совпадение: фамилии и увлечения! Одноклассники, однокурсники, знакомые дарили, просто так отдавали монеты. Какие-то Сергей выменивал. Коллекция числом прирастала, но наибольшую ценность, разумеется, не в финансовом эквиваленте, по-прежнему, представляли те самые рубли из маминого чемоданчика.

² Монисто – нагрудное украшение чувашского национального женского костюма, выполненное из кожаной подложки, с нашитыми на неё рядами серебряных монет; одевалось оно поверх платья, и весило до двух с половиной килограммов. К тухье – женскому головному убору – также рядами крепились монеты общим весом ни много, ни мало от одного до двух килограммов. *Прим. автора.*

Отслужив срочную, Казначеев вернулся в Чебоксары. По старой памяти заглянул в музыкальное училище, которое закончил по классу баяна. Хотел посоветоваться, кем и где работать. Авторитетные для него люди порекомендовали: настройщиком баянов и аккордеонов. И он устроился на комбинат «Чувашбыттехника». Сколько-то времени спустя, на предприятие пришла разрядка – отправить одного человека для обучения настройке фортепиано. Казначеев решил расширить свой профессиональный диапазон. Так он оказался в Ярославле, в Школе редких профессий, о существовании которой ещё недавно и не подозревал. Учиться предстояло два года, очно.

Сергея неожиданно заинтересовала, а потом и заворожила храмовая архитектура. (Из входящих в «Золотое кольцо» древнерусских городов, Ярославль один из самых ярких; некоторые архитектурные сооружения, прежде всего, культовые, занимают достойное место среди памятников мирового зодчества.) В выходные и праздничные дни он с тетрадочкой ходил по городу и, сам не зная зачем, зарисовывал храмы. Рисовал шариковой ручкой – «набело» и... безошибочно. До сих пор удивляется:

– Шариковая ручка – не карандаш, резиночкой не подотрёшь, ничего не исправишь.

Если пути Господни неисповедимы, то человеческие – предначертаны. Однажды Казначеев зашёл в антикварный магазин. Зашёл – как в музей. Денег на приобретение чего-либо ценного, у него, конечно же, не было. И «совершенно случайно» на глаза ему попался журнал «Зодчий» 1882 года издания. Попросил разрешения посмотреть, положил на витринное стекло, раскрыл наугад, и взору Сергея предстало проектное изображение церкви Рождества Христова – памятника героям Шипки. По стилю Сергей сразу понял, это ярославская церковная архитектура XVII века. В журнале были представлены все или почти все проекты, участвовавшие в конкурсе, но раскрылся он почему-то на проекте Томишко. На соседних страницах оказались и детальная прорисовка, и чертежи этого храма. Первая же мысль, посетившая молодого человека: вот бы такой сделать в миниатюре! Журнал, разумеется, Казначеев купил. Благо, что деньги при себе были. Хотя и стоил он недёшево – рублей семь. Треть стипендии.

Обучившись настройке фортепиано, Казначеев продолжил работу в «Чувашбыттехнике». По прошествии какого-то времени, вновь приходит разрядка: направить ювелира на годовичные курсы повышения квалификации в «Ростовский республикан-

ский учебно-производственный комбинат». Сергей ювелиром не был, но у него всегда была тяга к прекрасному и к работе с металлом. Вот тут пришлось побегать по начальству: «Пошлите меня! Ну, пожалуйста!» Уговорил. В Ростове-на-Дону Казначеев овладевал азами ювелирного искусства. Там он понял: если иметь специальное, самое примитивное, оборудование – горелку, меха, можно и в домашних условиях плавить и прокатывать металл.

По окончании курсов предстояло пройти практику в ювелирной мастерской. На второй же день у Казначеева с рабочего стола пропали серебряные изделия, принесённые им из дому для практических занятий. Жаловаться не стал, но вывод для себя сделал: «В такой атмосфере работать? Не пойдёт». Вернулся в ставшую родной «службу быта». Начальство даже не пожурило за потраченные государством на его обучение деньги. Казначеев был высококлассным настройщиком – такие специалисты всегда и везде нужны.

По необъяснимому стечению обстоятельств начало работы над моделью храма и женитьба пришлось на один и тот же, 1987-й, год. С Татьяной они были дружны уже девять лет. Поселились в однокомнатной хрущёвке. Сергей из родительского дома принёс журнал «Зодчий» и посвятил любимую в свой замысел. «Ну, хочется – пусть делает. Что в этом плохого?», – решила Татьяна.

«Из какого материала делать модель? – задумался Казначеев. – Из латуни? Пожалуй».

Сергей, конечно, осознавал, что взялся за дело не одного года; по его тогдашним прикидкам на работу могло уйти лет пять, не больше. Вскоре он стал понимать: «что-то» получается, появилась уверенность в конечном результате, но одновременно стали одолевать и сомнения: что необыкновенного в модели из латуни? Конечно, можно посеребрить, позолотить, но ценности она всё равно представлять не будет.

Пустить в расход коллекцию серебряных монет – такого и мыслях не было. «Дай-ка попробую расплавить самую затёртую, чего её-то жалеть. Посмотрим, что получится».

Ну, а когда им с Татьяной «открылся» Господь, когда они уверовали во Христа, решил: ради «такого богоугодного дела» ничего не жалко! Коллекция перестала для Казначеева иметь не только ценность, но и значение. В переплавку, в основном, шли рубли, потому что они из серебра довольно высокой, 900-ой, пробы. Более старые монеты – 825-ой. Чтобы «подняться до международной котировки», то есть до 925-й пробы, стал добавлять чистое серебро. Покупал его в банке.

Горбачёвская «перестройка» приближалась к апогею. Советский Союз охватила кооперативная лихорадка. Настройщиков музыкальных инструментов, Казначеева и его коллег, не устраивало то, что на госпредприятии им платили только 20% заработанных денег: «С десятки, заплаченной клиентом, настройщик получал только два рубля». И они организовали кооператив. На какой-то очень непродолжительный период времени «с деньгами, вроде бы, всё нормально стало». Сергей мог позволить себе потратить часть дохода на покупку серебра. А потом и золота.

Купола у храма – золотые. Золотых монет в коллекции Казначеева не было. Всё золото – покупное. На рынке открыто продавались зубные коронки...

Ещё на курсах в Ростове, Сергей поинтересовался у преподавателя технологией изготовления купола. Педагог посоветовал делать его полым. «А как сделать – полым?» Педагог объяснил. До того, что купол нужно делать ещё и составным, из шести частей, Казначеев дошёл своим умом. Но изготовить пустотелое изделие в мастерской – одно дело, в домашних условиях – совсем другое. С божьей помощью справился Сергей и с этой задачей.

Когда понял, что как-то нужно решать проблему с окислением серебра (серебро со временем темнеет, покрывается окисной плёнкой), он решил обратиться за советом к специалистам. Узнал, что в Москве есть знаменитые ювелирные мастерские «Сирин». Некий современный аналог фирмы «Фаберже». Написал письмо с просьбой о консультации. Получил приглашение. Привёз с собой фотографии модели храма. И готовые купола. Директор мастерских удивления не скрывал. Тут же распорядился пригласить к себе в кабинет специалистов – «от стара до млада». Один из них, пожилой мужчина взял купол в руки. Смотрел, смотрел, крутил, крутил, спрашивает:

– Ты что, с такими толщинами работаешь?!

– Да.

Мужчина принялся на ощупь определять: гравировка или тиснение? Поднёс купол к лампе, потом подошёл к окну – вынес на солнечный свет.

– Ты не боялся металл прорезать?

– Боялся.

Мужчина пожал Сергею руку:

– Исключительная разметка... Ну, ты даёшь! Желаю удачи!

И к выходу из кабинета. Когда за ним закрылась дверь, директор «Сирина» спрашивает Казначеева:

- Ты знаешь, кто это был? Главный гравёр нашей фирмы.
- Специалисты засыпали Казначеева вопросами:
 - Какая толщина золота?
 - Ноль целых и три десятых миллиметра.
 - Как вы высчитывали при гравировке глубину погружения резца?
 - Придумал упорчик, который не позволял штихелю углубляться больше, чем надо.

Казначеев не скрывает: проблем было много. Были, и казалось бы, неразрешимые. В таких случаях перед сном обращался к Богу: «Господь, всё! Не знаю, как делать, не знаю, каким путём дальше идти! Помоги!». Проснувшись утром, «в первую же минуту» чётко понимал: знаю, знаю, что и как делать! «Господь, спасибо!»

Семейная лодка Казначеевых о быт не разбилась. Время всегда находилось и на домашние дела, и на то, чтобы грядки вскопать, картошку посадить, окучить, урожай собрать. Огород от бабушки достался по наследству, не бросишь, да и время вскоре наступило такое, что без подсобного хозяйства сложно было выживать.

Татьяна признаётся, что «с самого начала» не придавала серьёзного значения увлечению Сергея. Как говорится, чем бы дитя не тешилось... Но вскоре стала смотреть на мужа совершенно другими глазами, испытывать не только уважение, но и изумление: «Как всё это можно рассчитать в голове?! Вроде бы обыкновенный человек...». Когда супруг натыкался на, казалось бы, неразрешимую задачу, понимала, как ему трудно, переживала, но чем она могла помочь? Только молитвой... В 2004-м родился сын. Конечно же, Татьяне хотелось, чтобы муж больше времени уделял ребенку. Но ни разу не бросила упрёка: «надоело», «сколько можно». Случалось, ссорились, не без этого. По мелочам, конечно. В 2013-м в работе над моделью храма-памятника Рождества Христова была поставлена точка.

Необязательное дополнение

Сергей Казначеев рассчитывал размеры каждого элемента макета по архивным чертежам. Им строго выдержаны все горизонтали, вертикали, оси, объёмы. Мастером использовались разные технологии: плавка, правка, гибка, прокат, вальцовка, резка, вытяжка, распиловка, выпиливание, выколотка, волочение, сверление, фрезерование, пайка, отбеливание, шлифовка, гравирование, полировка... Только паек серебряным припоем –

без прожогов и наплывов – произведено около 30 000 тысяч. На центральном куполе выгравировано 8500 полосок, всего же их на всех куполах более 32000, и все они с одинаковой глубиной реза. Даже самый требовательный глаз не найдёт в работе Казначеева изъянов.

Модель имеет паспорт, выданный Высшей экспертной коллегией – документ, подтверждающий уникальность и высокий уровень исполнения произведения, подписан специалистами Государственного Эрмитажа, Московского Кремля, Российского этнографического музея и Государственного исторического музея.

Казначеевым пора было уезжать, больше их задерживать я не смел, но не узнать о впечатлениях Сергея от шедевра Антония Томишко, возведённого на южной стороне Шипкинского перевала, было бы непростительно. Первой на мой вопрос отреагировала Татьяна – её слова прозвучали как оправдание:

– Если бы позволяли средства, может быть, у нас и была бы возможность съездить в Болгарию, но, извините, даже на инструменты у Сергея не всегда хватало денег. У нас даже фотоаппарата не было, чтобы фиксировать работу поэтапно.

Сергей попытался сгладить неловкость:

– Я получал несказанно глубокое удовлетворение от того, что делал модель, имея только напильник, надфиль, лобзик. Ещё горелку. Без горелки ничего бы не получилось...

К этому времени степень доверительности в нашем разговоре, достигла, как мне казалось, такой степени, что я, обращаясь к Татьяне, позволил себе съёрничать:

– Значит, от семейного бюджета Сергей всё-таки что-то отрывал!..

– Само собой, – смущённо улыбнувшись, ответила она.

Сергей же сказал:

– Ценность моей жены ещё и в том, что она без великих запросов.

– Так вы что, в Болгарии не были и оригинал своими глазами не видели?! – не унимался я.

Супруги отрицательно покачали головами. Сергей продолжил удивлять меня:

– Я даже не знал, построен ли храм. Время было доинтернетное. По крайней мере, для меня.

О том, что церковь Рождества Христова возведена, Казначеев, оказывается, узнал совершенно случайно. Из турпоездки в Болга-

рию вернулся его хороший знакомый, он, делаясь впечатлениями, вскользь заметил, что видел замечательную русскую церковь, посвящённую защитникам Шипки. Как храм называется, вспомнить не смог. У Казначеева мелькнула догадка.

– У тебя фотографии есть? – спросил он.

– Да.

– Принеси посмотреть.

Приятель принес фотографии. Я высказал предположение:

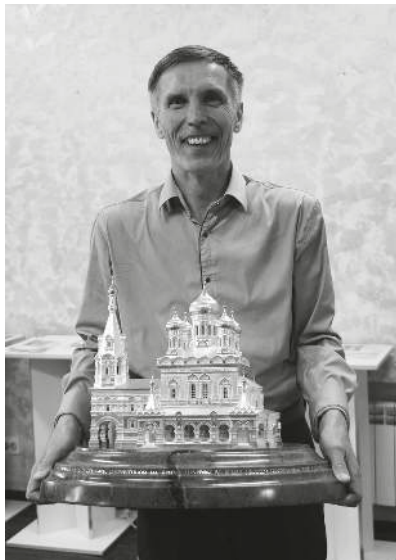
– Сергей, очень часто при строительстве объекта отступают от первоначального проекта, вносятся коррективы: что-то захотелось упростить, на чём-то решили сэкономить...

– Вот! – встрепенулся Казначеев. – Проект, действительно, при строительстве немножко упростили. А также были добавлены апсиды, а в шатре-колокольне – окна.

– Вы судите по фотографии вашего приятеля?

– Что вы! Когда мы смогли себе позволить приобрести компьютер, я первым делом залез в интернет и наткнулся на ролик: какой-то болгарин храм снял со всех сторон, отдельные фрагменты – крупным планом. Ролик этот я посмотрел бесчисленное количество раз. Смотрел, смотрел, смотрел и не мог налюбоваться храмом! Грандиозное сооружение! Оно завораживает. Но, на мой взгляд, уступает спроектированному академиком Томишко. А я всё делал в строгом соответствии с его замыслом, с проектом, который победил в конкурсе. Не отступал ни на один миллиметр от размеров, приведённых в чертежах, напечатанных в журнале «Зодчий».

Фото автора.

Санкт-Петербург